

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИОННОЙ ПЛОЩАДКИ MATERIALS FOR DISCUSSION

Для дискуссионной площадки редакция предлагает мнение представителя научного сообщества Кыргызско-Турецкого университета «Манас», доктора философских наук Урманбетовой Жылдыз Карыбаевны.

DOI: 10.20913/2618-7515-2023-4-22

УДК 101.1:316,312

Оригинальная научная статья

Глобальные изменения мира: философский ракурс

Ж. К. Урманбетова

Кыргызско-Турецкий университет «Манас»

Бишкек, Кыргызстан

e-mail: cildiz.urmanbetova@manas.edu.kg

А. К. Назаркулова

Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева

Бишкек, Кыргызстан

e-mail: ak.nazarkulova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются глобальные изменения, произошедшие во второй половине XX в., которые привели к необходимости предвосхищения изменений мира через призму постановки проблем и выдвижения тех или иных приоритетных философских категорий, основываясь на свойстве философии быть квинтэссенцией мысли эпохи. В то время, когда понятие незыблемой истины уступило место относительным истинам как способам варьирования в контексте происходящих событий, потеряна важность и необходимость высшей истины как недостижимой иллюзии. В соответствии с этим первичность культурно-исторического контекста вывела на авансцену концепт множества истин. С переходом к постмодернизму прежде устойчивые философские понятия, которые определяли бытие и человека как субъекта этого бытия, претерпели существенные изменения. Соответственно, обновление философских интерпретаций обоснования мира и самого человека непосредственным образом оказывает влияние на специфику развития и функционирования всех областей человеческой деятельности, включая моральные и правовые нормы, искусство и культуру, науку и технологии. Наиболее важным контекстом развития человечества стал распад онтологического единства мира, некогда служивший незыблемой основой существования. Другим не менее существенным изменением видится перенесение акцента с разума как такового на сосуществование политических разумов. Тем самым усиливается феномен отчуждения. Имплзия сознания, о которой говорил Ж. Бодрийяр, привела к тому, что сознание человека стало разорванным, в результате чего фрагментарность стала нормой восприятия мира и его воспроизведения в ценностных ориентациях. Авторы полагают, что в первой четверти XXI в. происходит переформатирование всех существующих линий связности жизни: отношения человека и природы, человека и общества, человека и человека, что с необходимостью отражается на интерпретациях философских категорий.

Ключевые слова: бытие, человек, тенденции, парадигма, дискретность, ценности, идентичность, переформатирование, архетипическое

Для цитирования: Урманбетова Ж. К., Назаркулова А. К. Глобальные изменения мира: философский ракурс // Профессиональное образование в современном мире. 2023. Т. 13, №4. С. 801–810. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-4-22>

DOI: 10.20913/2618-7515-2023-4-22

Full Article

Global world change: a philosophical area

Urmanbetova, Zh. K.

Kyrgyz-Turkish «Manas» University

Bishkek, Kyrgyzstan

e-mail: cildiz.urmanbetova@manas.edu.kg

Nazarkulova, A. K.

Kyrgyz State University named after I. Arbaeva

Bishkek, Kyrgyzstan

e-mail: ak.nazarkulova@mail.ru

Abstract. The article analyzes the global changes that occurred in the second half of the 20th century, which led to the need to anticipate changes in the world through the prism of posing problems and putting forward certain priority philosophical categories, based on the property of philosophy to be the quintessence of the thought of the era. At a time when the concept of unshakable truth has given way to relative truths as ways of varying in the context of ongoing events, the importance and necessity of higher truth as an unattainable illusion has been lost. In accordance with this, the primacy of the cultural-historical context brought to the fore the concept of a multitude of truths. With the transition to postmodernism, the previously stable philosophical concepts that defined being and man as the subject of this being have undergone significant changes. Accordingly, the renewal of philosophical interpretations of the justification of the world and of man himself directly affects on the specifics of the development and functioning of all areas of human activity, including moral and legal norms, art and culture, science and technology. The most important context for the development of mankind was the disintegration of the ontological unity of the world, which once served as the unshakable foundation of existence. Another equally significant change seems to be a shift in emphasis from reason as such to the coexistence of political minds. This intensifies the phenomenon of alienation. The implosion of consciousness, which J. Baudrillard spoke about, led to the fact that human consciousness became torn, as a result of which fragmentation became the norm for perceiving the world and reproducing it in value orientations. The author believes that the first quarter of the 21st century reveals the essence of the reformatting of all existing lines of life connection – the relationship of man and nature, man and society, man and man, which is necessarily reflected in the interpretation of philosophical categories.

Keywords: being, human, trends, paradigm, discreteness, values, identity, reformatting, archetypal

Citation: Urmanbetova, Zh. K., Nazarkulova, A. K. [Global world change: a philosophical area]. *Professional education in the modern world*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 801–810. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-4-22>

Введение. Пандемия наряду с негативными последствиями во всех сферах бытия обусловила и некий позитив: все задумались о причинах катаклизмов и начали искать выход из глобального кризиса, а также обозначать дальнейшие тенденции развития мира и возможные решения множества проблем. В этой связи особый интерес вызывает философский ракурс исследования глобальных изменений, предполагающий анализ произошедших перемен в категориальном обосновании бытия и человека во второй половине XX в., что, безусловно, повлияло на формирование тенденций развития мира.

Провозглашение глобализации объективной тенденцией бытия, исчисляющейся несколькими десятилетиями лет, породило ответную реакцию в виде усиления процессов идентификации, в совокупности определяющих эпоху постглобализации. Пандемия, охватившая все человечество, вывела на арену политического бытия понятие деглобализации, по существу совпадающее с феноменом постглобализации, тем самым выдвинув процессы сложной идентификации на передовую как социального, так и политического, культурного, национального бытия. Именно поэтому возникли споры относительно существующей наполненности феномена идентичности в проекции «я» и «мы».

Все эти процессы с необходимостью влияют на изменение понимания сущности человека и са-

мого бытия. На основании смены приоритетов в философских категориях возможно обновленное определение существа происходящих трансформаций и, как следствие, обоснование тенденций последующего развития мира.

Изменения в философском обосновании бытия. Глобальные изменения мира во второй половине XX столетия привели к кризису философии как отражению кризиса идей. Тем самым сложившаяся историческая ситуация обусловила необходимость пересмотра категориального багажа философии. Такие процессы происходили и прежде, к примеру, в этой связке находится идея Х. Ортега-и-Гассета о рационализме, жизненном разуме, способном расставить акценты в восприятии бытия и соответственно дальнейших перспектив развития [1, с. 17]. Вместе с тем современный кризис явил глобальный кризис самого категориального аппарата философии.

Наиболее важным контекстом развития человечества стал распад онтологического единства мира, некогда служивший незыблемой основой существования. В настоящем мир – это уже распавшееся целое. К. Манхейм неслучайно утверждал, что в том, «что наше общество серьезно больно, сомнений нет» [2, с. 541]. Функция единого мира заключалась в следующем: что бы ни происходило, это вытекало из субстанциональности единства мира, а значит, имело объективную необходимость.

Это придавало уверенности в обозначении человеком собственного «я». Распад этого единства стал отправной точкой для тотальности противоречий в восприятии бытия и его понимании. Именно поэтому философия перестала носить классический характер, отдав истину на откуп множеству разрозненных направлений в философской трансляции мира. Модерн стал последним прибежищем классической философии. Постмодерн явил миру дискретное единство, при углубленном рассмотрении распадающееся на различные, порой взаимодействующие, порой нет части. Это изменило ход рассуждений человека как о себе самом, так и о мире вообще. При этом философия как некая структурированная система категорий распалась на дискретное множество. В этой ситуации наиболее глубокой проблемой видится необходимость и важность реактивации категорий в соответствии с изменившейся реальностью. Неслучайно философия превратилась в философствование, при этом ее уделом стало не провозглашение чего-то высокого, а скорее интерпретация происходящего. По мнению Х. Ортеги-и-Гассета, «сегодня наше представление о философии в корне отличается от представления предыдущего поколения. Но это равносильно признанию, что истина меняется, что вчерашняя истина сегодня становится заблуждением» [1, с. 54].

Наряду с распадом онтологического единства мира не менее существенным изменением видится перенесение акцента с разума как такого в декартовском варианте «я мыслю, следовательно, я существую» [3, с. 335] на сосуществование политических разумов. Тем самым усиливается феномен отчуждения. В этой связи, как считают многие политики и некоторые философы, пришло время нового политического мышления, время смены бытующих ценностей новыми – разотчужденными общественными ценностями. Новая экономическая политика, по логике вещей, должна быть ориентирована на гуманизацию достижений науки и техники для перехода в новую фазу развития – фазу разотчуждения.

Насколько такое новое политическое мышление формируется в настоящее время трудно сказать, напротив, человеческий разум как разум политический способствует отчуждению, а не становлению и проявлению единого цивилизационного подхода к восприятию бытия. Разум становится историческим, то есть привязанным к определенному историко-культурному контексту. Это уже не высший разум, человеческий разум как таковой, а всего лишь один из разумов. Монолог разума заменяется диалогом разумов, а чаще всего договоренностью политических разумов. Это означает, что на первый план выступает трагичность разума: его высшая ипостась – разум как таковой – меняется на способность сосуществовать с другими

подобными разумами. Тем самым фразу Р. Декарта можно проинтерпретировать как «я способен общаться с другими, следовательно, я существую». Это как нельзя больше подходит для отражения подхода современной философии к проблеме разума. В этом отношении диалог как парадигма мышления современной эпохи – это скорее следствие распавшегося единства, нежели предвосхищение тенденции развития бытия.

Имплозия сознания на первый план выдвинула феномен разорванности. Это уже не интенциональность сознания вовне, о чем говорил И. Кант, а скорее его противоречивость, направленная на самого себя (если у Г. Зиммеля противоречие возникает между субъективным духом и объективными формами, то в настоящем это противоречие внутри самого сознания как субъекта мысли). Сознание человека стало разорванным, в результате чего фрагментарность предстала нормой восприятия мира и его воспроизведения в ценностных ориентациях. По Ж. Бодрийяру, «каждая конфигурация ценности переосмысливается следующей за ней и попадает в более высокий разряд симулякров. Каждый новый порядок симулякров подчиняет себе предыдущий» [4, с. 43, 122]. Дискретность мира с необходимостью породила разорванное сознание, когда метафизическое одиночество связывается не только с приходом в этот мир и уходом из него, а когда оно сопровождает человека и в контексте его общественного бытия. Неслучайно отчуждение из проблемы превратилось в феномен, отражающий существо современной эпохи.

Чувство одиночества, страха, тоски, обреченности, отчаяния, безнадежности породило ситуацию неопределенности, когда, говоря словами Х. Ортеги-и-Гассета, «великие цели, вчера придававшие ясную архитектонику нашему жизненному пространству, утеряли свою четкость, притягательность, силу и власть над нами, хотя то, что призвано заменить их, еще не достигло очевидности и необходимой убедительности» [5, с. 264]. Кризисное мироощущение человека стало доминантой в мире бесконечных противоречий, конфликтов и катаклизмов. Однако «подавленная непрерывной сменой впечатлений, превратностями судьбы и силой внешнего мира, душа должна стремиться к внутренней устойчивости, чтобы быть в силах этому противостоять...» [6, с. 223]. Все это породило особую духовную ситуацию времени [7, с. 547], когда мир из целостного единства превратился в дискретный и тем самым разрозненный мир. Кризис духа в этом смысле есть кризис парадигмы мышления, ведущей свои традиции с древнегреческой философии, то есть кризис рационализма. В этой связи как нельзя актуально звучит проблема самоконституирования духа. И здесь вспоминается Ф.В. Гегель, как нельзя лучше обрисовавший эту

ситуацию, когда «дух движется вперед скачками, покидая прежнюю форму и обретая новую. Вся масса прежних представлений, понятий и связей, соединявших наш мир в единое целое, растворяется и распадается, как сновидение. Готовит себя новая фаза духа. И философия в особенности должна приветствовать ее появление и принять ее, пока другие, бессильно сопротивляясь ей, цепляются за прошлое» [8, с. 352].

Совершенно неслучайно Г. Зиммель в свое время утверждал, что одной из главных причин кризиса эпох выступает отсутствие центрирующей идеи, способной формировать парадигму мышления и образ жизни. ««Общий недуг культуры, когда жизнь ощутит чистую форму как нечто навязанное ей извне и обнаружит стремление разрушить форму как таковую», вместе с тем «противоречие, в какое впадает жизнь с высшим по отношению к ней самой, – это трагический конфликт жизни как духа» [9, с. 496, 508]. Это означает, что философия определяет точечные изменения мира в контексте обозначения проблем эпохи. Это, несомненно, влияет на необходимость в провоцировании новой парадигмы мышления, следствием которой должна стать обновленная система ценностей. Вместе с тем, как подчеркивает М. Шелер, история представляет собой процесс выравнивания, «человек – это существо, сам способ бытия которого – это все еще не принятое решение о том, чем оно хочет быть и стать» [10, с. 105]. Так или иначе проблема духовного отражается в системе ценностей. Распад онтологического единства бытия вместо безусловных ценностей ввел в обиход так называемые базисные ценности различных групп, когда прагматизм из позиции превратился в способ существования. При этом разорванное сознание человека рождает и выводит на первый план прецессию симулякров как способ, благодаря которому симулякр предвещает саму реальность [11, с. 18].

Все эти изменения с необходимостью приводят к анализу предшествующих идей относительно развития человека и мира. В конце XIX и начале XX в. философы начали говорить о кризисе человечества, который с неизбежностью приведет к Апокалипсису. Н. Бердяев утверждал, что «апокалипсис есть прикровенное откровение о все разрешающем конце истории» [12, с. 154]. На тот момент философов не поняли, посчитав это абстрактными измышлениями. Но оказалось, что это обыденное сознание споткнулось о камень непонимания. Сейчас можно предположить, что Апокалипсис, который предсказывали философы, произошел. Это апокалипсис не в смысле окончания мира как такового и жизни человечества, а апокалипсис в смысле завершения жизни в том формате, который был заложен в период осевого времени – времени взрыва культур

и философии, обусловившего стандарты бытия на последующие двадцать пять веков существования человечества. Это было временем классической философии, сформировавшей основы понимания человека и бытия в контексте общезначимых критериев добра и зла, когда разум человеческий преподносился в качестве верховенства мысли, а мир предполагался единым и целостным. Именно поэтому прошедшие более чем двадцать веков летоисчисления сформировали прогресс человечества с попеременным приоритетом Востока и Запада. В настоящем же бывшее значение Востока и Запада как неких архетипов мышления теряется, поскольку дискретность мира привела к дискретности самого архетипического, когда каждый народ обращается к своему локальному национальному наследию.

Апокалипсис, который предсказывали философы, все же случился. Апокалипсис в данном случае – ситуация, когда мир перестает жить по заданным изначально ориентирам. Жизнь без ориентиров сродни хождению во тьме. Конец XX в. был переходом в «новое» летоисчисление, когда классические стандарты понимания мира были смыты новыми вариациями отражения взаимосвязи человека и бытия. Это означает, что историческое время оказывает непосредственное влияние на наполненность феномена связности жизни. Нелучайно В. Дильтей утверждал, что связность жизни свою первую интерпретацию получает как переживание времени [13, с. 135]. Переформатирование отношений выступает основой современного мира, начиная постановкой вопроса о существовании человека через все формы его взаимосвязей и заканчивая восприятием сущности мира. Самой главной характерной особенностью этого переформатирования выступает вариативность как способа самореализации человека, так и понимания мира: самой природы, морали, религии, общества и государственности. Именно поэтому в качестве новой парадигмы развития конца XX столетия предстала синергетика как новая вариация хаоса, а философия стала свободной интерпретацией существующих проблем бытия.

Глобализация как мнимая тенденция развития мира. XX в. был ознаменован многочисленными катаклизмами, войнами и разрушениями. Вместе с этим именно в XX в. появилось громкое заявление о вступлении человечества в новую фазу исторического развития, именуемую глобализацией. Тем самым по-новому звучал вопрос о глобальном единстве мира: от приоритета рыночной системы хозяйства, победного шествия либеральной демократии до универсальных ценностей, детерминирующих формирование глобальной культуры, а значит, единых стандартов мышления и норм бытия. Вместе с этим основой представления глобализации объективной тенденцией развития бытия

стала идеологическая раскрутка философии космополитизма. При этом национальное государство в контексте глобализации должно было уступить место транснациональным корпорациям. Однако по истечении не более чем тридцати лет глобализация перешла в новую фазу своего развития, именуемую постглобализацией. И вновь понятие национального государства стало актуальной единицей мирового сообщества, перед которым возникли новые риски и угрозы.

Основным контекстом постглобализации выступили процессы идентификации, в особенной степени реализующиеся в национальных государствах. В методологическом отношении возникло разночтение трактовки идентичности в преломлении индивидуального «я» человека и коллективного «мы» в контексте нации и государства. Такое разночтение допускают радетели глобализации: Ф. Фукуяма настаивает на том, что «идентичность вырастает из различия между истинным внутренним «я» и внешним миром социальных правил и норм, которые не признают и не уважают ценность или достоинство этого внутреннего «я»» [14, с. 6]. При этом он утверждает, что «люди – существа, сознательно стремящиеся к максимальной выгоде, основанной на индивидуальных предпочтениях» [14, с. 7]. Тем самым Ф. Фукуяма придерживается классического определения идентичности как атрибута личности. Вместе с тем, по его мнению, чувство идентичности перетекло в политику идентичности, когда «национальная идентичность имеет большее значение для качества управления» [14, с. 35].

С. Хантингтон делает ставку на проявление коллективной идентичности, именно поэтому вопрос «кто мы?» ставится в отношении самого государства. При этом акцент ставится на гражданство, поскольку «гражданство связывает идентичность конкретного человека с идентичностью нации» [15, с. 338]. Смешанное представление о существе идентичности можно найти в трудах российских исследователей. К примеру, В. Малахов подчеркивает тот факт, что идентичность индивидуальна, но вместе с тем она есть продукт социального взаимодействия: «членом этнической группы – и тем самым носителем определенной этнической идентичности – индивидов делает не происхождение (биологическое или культурно-историческое), а та роль, которую эти индивиды играют в социальном взаимодействии. Идентичность есть не свойство, а отношение. Отсюда следует ее открытость и подвижность» [16, с. 12].

Тем самым акцент в контексте идентичности очень важен, поскольку детерминирует значимость индивидуального или коллективного. При этом также важно понимать, что в современности приоритет либерального, или индивидуального, означа-

ет крен в сторону космополитизма; выдвижение же на передний план коллективного в контексте нации проецирует предпочтительность национального государства в мировом политическом бытии.

Каждая историческая эпоха предъявляет свои вызовы, о чем говорят многие философы, в частности А. Тойнби, когда утверждает, что «история существует там и только там, где есть время, и в основе истории лежит взаимодействие мирового закона – божественного Логоса и человечества, которое каждый раз дает Ответ на божественное Вопросание, выраженное в форме природного или какого-либо иного Вызова» [17, с. 8]. Одновременно с этим каждый новый век в истории человеческой цивилизации определяет ориентиры развития. XXI в. ознаменован продолжением информационной эры, основанной на технологическом детерминизме. Тем самым глобальный мир технологического прогресса предъявляет свои вызовы, стремясь универсализировать всё и вся. Одновременно с этим мы живем в эпоху перемен, поскольку обозначенная в конце XX столетия в качестве объективной тенденции развития бытия глобализация по истечении четверти века породила ответную реакцию в виде усиления процессов идентификации, тем самым обосновав деглобализацию. Неслучайно, по мнению классика постмодернизма Ж. Бодрийера, глобализация сама себя и разрушает – это объективный феномен исторического процесса. «Америка уже не та, что прежде, но продолжает развиваться теми же темпами, она в гистерезисе могущества. Гистерезис – это процесс, который продолжается по инерции, эффект, который длится, когда то, что породило его, уже исчезло. Можно также говорить о гистерезисе истории...» [18, с. 193].

Кризис, обусловленный возникновением новой пандемии, которую можно определить как пограничную ситуацию не только для конкретного человека, но и человечества вообще являет собой экзистенциальный кризис, поскольку он затрагивает смысл существования человека. Пути выхода должны с неизбежностью предполагать обновленный способ бытия, переоценку ценностей как безусловную необходимость, как ответ на предъявленный человечеству вызов. Говоря словами В. Франкла, необходимо осознанное принятие определенного отношения к обстоятельствам, которые мы не можем изменить [19, с. 9].

В сложившейся ситуации наиболее значимым вопросом выступает вопрос «почему?»: что стало причиной возникновения столь глобального кризиса, затронувшего все человечество? В поиске ответов на этот вопрос сразу всплывают два варианта: рост технологического прогресса и неправильное отношение к природе. Действительно, каждое усложнение прогресса с неизбежностью рождает насильственное проникновение в тайны природы. Однако это все следствия. Основани-

ем же выступает парадигма мышления человека, поскольку все деяния первоначально рождаются в сознании. Это означает, что именно образ мышления формирует все виды деятельности. В настоящее время такой парадигмой выступает рационализм, истоки которого восходят к Древней Греции. Вместе с тем необходимо осознавать, что рациональность как идеал древнегреческой философии была наполнена духовностью, но с течением времени претерпела существенные изменения. Начиная с эпохи Нового времени, то есть XVII в., движение человечества продиктовано постоянным и постепенным усложнением прогресса. Это означает, что рациональность как тип мышления завоевала приоритетные позиции человека и его мышления в процессе освоения мира и понимания бытия с точки зрения его завоевания, покорения. Знаменитое декартовское изречение «я мыслю, следовательно, я существую» отражается в антропоцентричном отношении к окружающему миру. Покоряя природу, человек стал проецировать не духовность, а усложняющийся процесс материальных ценностей.

Покоряя мир природы, человек одновременно формировал государственные устройства и общественные институты через призму «жажды своего признания». Именно поэтому Ф. В. Гегель констатирует, что общественное движение и есть борьба за признание [20, с. 241–242]. Основой этой борьбы был все тот же прогресс, ориентированный на покорение. И вот уже покорение стало не просто принципом существования человека в природе, а принципом межгосударственного развития. Именно эта жажда признания мотивировала на использование силы как действенного оружия в межличностных, межкультурных, международных, межгосударственных контактах и отношениях. Это означало, что антропоцентрическая позиция человека в мире сопровождалась ужесточением возможности и необходимости признания себя наравне с другими: государства боролись за поиск своей ниши в мировом пространстве.

Интерпретированная таким образом рациональность время от времени претерпевала кризис. Неслучайно, говоря о кризисе конца XIX в., Э. Гуссерль усматривает его корни в сбившемся с пути рационализме, когда духовность как его наполнение отошла на задний план. Выходом из такой ситуации он считает создание чистых наук о духе как обновленном наполнении философии: «Наш окружающий мир есть духовное образование внутри нас и нашей исторической жизни. Для того, кто избрал своим предметом дух как таковой, нет поэтому никаких оснований требовать для этого мира иного объяснения, кроме чисто духовного» [21, с. 300]. Именно поэтому, по его мнению, в Древней Греции сформировался

«тип духовной структуры, быстро развивающейся в системно замкнутую культурную форму – философию. Наряду с этим возникает – сначала внутри этого народа – дух универсальной культуры, вовлекающий в свою сферу все человечество, и начинается непрерывное развитие в форме новой историчности» [21, с. 302]. Однако этот подход, существовавший на протяжении многих столетий, в XVII в. дал сбой, который повлек за собой изменение смысловой направленности человеческой сути. В итоге начали возникать кризисы, которые сам человек по незнанию интерпретировал в духе цивилизованности.

Именно поэтому Ф. Ницше требовал кардинальной переоценки ценностей, которая должна заключаться прежде всего в переоценке самого места ценностей в структуре человеческого существования [22, с. 409]. Однако XX в. усилил темпы покорения как реализацию иной рациональности, технологический прогресс достиг цифровой стадии. В настоящее время кризис рационализма стал не просто более серьезен, он достиг своего высшего пика, поэтому не решаемый на протяжении последних двух столетий кризис привел к естественному следствию.

Сейчас сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, человек завоевывал этот мир, и, когда уже подумал, что завоевал, оказалось, что теперь необходимо сохранить себя. С другой стороны, в общественно-политическом разрезе государства развивались, движимые жаждой признания, а сейчас наступил момент, когда у каждого должен сработать инстинкт самосохранения: как суметь прожить в гармонии с изменившимся миром. Что мы имеем в итоге?

В экономическом бытии наступила эра рыночных отношений, когда сам человек превратился в предмет купли-продажи. Определяя новый тип характера, обусловленный трансформацией человека экономического в человека рыночного, Э. Фромм следующим образом описывает такого человека: «Человека не заботят ни его жизнь, ни его счастье, а лишь то, насколько он годится для продажи... Цель рыночного характера – полнейшая адаптация, чтобы быть нужным, сохранить спрос на себя при всех условиях, складывающихся на рынке личностей... Личности с рыночным характером по сравнению, скажем, с людьми XIX века не имеют даже собственного «я», на которое они могли бы опереться, ибо их «я» постоянно меняется в соответствии с принципом «Я такой, какой вам нужен»» [23, с. 272]. Вместе с этим, по мнению Г. Маркузе, «возникает модель одномерного мышления и поведения, в которой идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо при-

водятся в соответствии с терминами этого универсума» [24, с. 16]. Формирование подобного типа человека естественным образом влияет на сущность и ход всех экономических, социально-политических, общественно-исторических процессов. Тем самым тенденции развития мира идут в соответствии с образом мышления человека.

В политическом бытии заговорили о победе либеральной демократии как панацеи от тоталитаризма. По мнению Ф. Фукуямы, «к концу тысячелетия... на ринге соревнования потенциально универсальных идеологий оставили только одного участника: либеральную демократию, учение о личной свободе и суверенитете народа» [25, с. 85]. При этом необходимо понимать, что либерализм выступает следствием абсолютного индивидуализма, основанного не на моральном выборе, а на покорении. Тем самым он развивается на фоне неравной борьбы за признание, за исключительность. Прав Ф. Фукуяма, отмечая, что между идеалами свободы и равенства есть противоречие: «большая свобода есть усиление неравенства» [14, с. 77].

В социально-культурной сфере приоритет отдан общепринятым стереотипам мышления, нормам и стандартам поведения, а также абсолютизации универсальных ценностей, поглощающих многие системы традиционных духовных ценностей народов. Культура в обыденном значении превращается из способа самовыражения в механизм самореализации, обуславливая те самые стереотипы мышления, когда «критерием того, что делает индивид, служит успех, который в конечном итоге определяет продолжение или устранение его деятельности» [26, с. 548]. При этом «внутреннюю позицию человека в этом техническом мире называют деловитостью. От людей ждут не рассуждений, а знаний, не размышлений о смысле, а умелых действий, не чувств, а объективности» [26, с. 551–552]. Одновременно с этим растет количество людей, занятых поиском группы комфорта, поскольку стереотипы мышления и стандарты поведения не в состоянии заменить исконно духовное пространство. Следствием выступает число людей, примыкающих к экстремистским группам в поисках все той же группы комфорта. Глобализация тем самым проецирует двоякий смысл: как тенденцию реальности, существующую по общепринятым нормам, и как отражение западного образа мышления и жизни, основанного на философии индивидуализма и космополитизма.

В этом отношении, с одной стороны, возникает потребность в переоценке ценностей, о которой говорит Ф. Ницше, с другой стороны, поиск выхода из сложившейся ситуации обосновывает необходимость акцента на важности архетипических истоков. По образному выражению К. Ясперса, именно в кризисные периоды народ обращается

к своим историко-культурным истокам для получения мотивации в движении вперед. Это происходит, поскольку возникает ощущение достижения рубежа в развитии мира, несоизмеримого по своей глубине и масштабам осознания с предшествующими рубежами исторических эпох [26, с. 548]. Онтологическая субстанциональность истоков духовного в каждую эпоху истории обретает характерную форму проявления. В этом отношении необходимость исторического обращения к культурному наследию предопределена интуицией целостности человеческого существования. В настоящее время эта целостность нарушена, тем самым архетипы актуализируются в сознании, детерминируя формы освоения новых ценностей.

В действительности, «мир замкнулся. Земной шар стал единым. Обнаруживаются новые опасности и возможности. Все существующие проблемы стали мировыми проблемами, ситуация – ситуацией всего человечества» [27, с. 141]. Изучение существующих в современности тенденций развития бытия приводит к мысли, что основой всех глобальных изменений мира выступает не менее глобальный кризис рациональности как способа мышления и существования в этом бытии.

Мир стабильности, несмотря на существовавшие кризисы, получивший отражение в классической философии, далеко позади. В настоящем мы живем в мире хаоса и суэты, когда девальвация некогда незыблемых истин, достигла апокалиптического предела. Именно поэтому можно утверждать, что к концу XX в. он развернулся в полном формате. XXI в. – это уже другая история. В этой связи именно оттого, что новые ориентиры в понимании человека, эпохи и мира не были выражены, переформатирование начало происходить хаотично, когда каждый субъект в своей самореализации зациклен на себе самом; когда каждое государство потонуло в собственных противоречиях; когда каждая культура начала вопрошание со своего наследия; когда каждое общество ударилось в локальные ценности; когда каждый политический игрок играет исключительно по своим, а не общим принципам.

В рассуждениях о глобализации и постглобализации в настоящем естественным образом возникает вопрос «К чему мы пришли?» Отвечая на поставленный вопрос, хотелось бы использовать наиболее современный термин «глобальная перезагрузка», основываясь на работе К. Шваба и Т. Маллере и имея в виду специфику постпандемического мира, о чем уже некоторое время рассуждает мировое сообщество. «Глобальная перезагрузка» блуждает в умах многих мыслителей, да и просто живущих в XXI в. небезразличных к мировому будущему представителей человечества. Неслучайно Ж. Атта-

ли считает, что «сегодня решается, каким будет мир в 2050-м, а может, и в 2100-м году. От наших действий зависит, как будут жить наши дети и внуки – в комфортных условиях обитания или в настоящем аду, ненавидя нас. Чтобы оставить им пригодный для жизни мир, нужно задуматься о будущем и понять, почему ход истории принимает тот или иной оборот, как на это реагировать» [28].

Пути выхода из глобального кризиса. Понимание причин, приведших к глобальным изменениям мира, способствует осознанному подходу к определению тенденций дальнейшего развития бытия и нахождению путей выхода из пограничной ситуации, накрывшей собой человечество вообще. Верховенствующий на протяжении XX столетия абсолют прогресса привел к пресыщению материальным. Это означает, что для встряски сознания человека имеет смысл идти от противного – предложить ориентир духа, а не материи во благо будущего человеческой цивилизации, во благо изменения хода жизни и истории.

Сейчас наступил момент, когда у каждого народа должен сработать инстинкт самосохранения: как суметь прожить в гармонии с изменившимся миром. Актуальны и востребованы новые способы и формы бытия, когда победу будут одерживать не только те, кто держит в руках нити технологического прогресса, а в первую очередь те, кто сможет и будет тонко чувствовать все, что происходит с миром и пытаться не только ощущать пульс изменений, но и реагировать. В этом отношении новыми ноу хау будут не те, которые отражают формы наукоемких технологий, а в первую очередь те, которые поймут ход экзистенциальной необходимости. Это будет проявлением интуиции в поиске ответа на вызов времени. Встряска коллективного человеческого сознания произошла, но задача заключается в том, чтобы за подобной встряской последовало изменение существа ценностей. Насколько это возможно в мире технологического детерминизма, сказать сложно, но без этого катаклизмы в более интенсивном темпе будут преследовать человечество.

Сложившаяся ситуация в современности являет собой определенный рубеж, как в осознании существа человека и мира в контексте технологического прогресса, так и в понимании необходимости смены ориентиров в восприятии бытия и познания мира в целом. Этот рубеж обладает двоякой смысловой значимостью: он проявляет имеющиеся потенциальные возможности совершенствования духа, тем самым может стать началом совершенно нового пути; либо, реализовав опасности, положит конец этому бытию, открыв дорогу в ничтожное время, в никуда. В этой связи актуализируется интуитивный подход. Это означает, что, когда зашкаливает рациональность, нарушается равновесие в восприятии бытия, спонтанным образом акту-

ализируется кочевой тип мышления как реакция на абсолютизацию рациональности, как отражение интроспективного понимания человека и бытия. Неслучайно сейчас, в век высоких технологий, появилось явление цифрового кочевья.

Рационализм, ставший залогом успеха XX столетия, испытывает кризис мысли. Это означает, что настало время других стандартов и парадигм мышления и существования, необходимо расставить акценты в системе способностей и умений в контексте выживания и развития в XXI в. В современности к природным катаклизмам добавились социальные катастрофы высокотехнологичного мира. Коллективное бессознательное таит множество загадок. Надо не бороться с последствиями технологического детерминизма, а изменить сам способ жизни в бытии природы. Это и есть гуманизация сознания человека XXI в. Одновременно это означает, что на смену экономическим и техническим наукам, бывшим в приоритете на протяжении более чем века, приходит рост значимости гуманитарных наук, долженствующих ответить на вопросы социальной адаптации человека в эпоху искусственного интеллекта, на извечные вопросы сущности и существования.

В этой связи с необычайной силой актуализируется возрождение культурных символов, ориентированных на возвращение человеку способности творить на основе духовных ценностей как приоритетных в проявлении позиции человека в этом мире. Диктат рационализма с необходимостью привел к актуализации интуитивного подхода к решению антропологических, экологических, экономических, социально-политических и культурных проблем. Сегодня востребовано интуитивное прочтение вызовов исторического времени и поиск ответов.

Заключение. В связи с глобальными изменениями, охватившими как человека, так и весь мир, мы словно погрузились в мир хаоса. Неслучайно в качестве новой парадигмы развития конца XX столетия предстала синергетика как новая вариация хаоса. В этом мире противоречий должны рождаться истоки нового летоисчисления в виде новых стандартов существования человека. Под стандартами в данном случае понимаются основополагающие ориентиры в определении бытия человека и восприятия мира как такового. Возврат к прежней классике невозможен во всем: как к философской классике, так и классике морали и права, искусства и культуры. Важно осознание неизбежности в выработке новых стандартов бытия и понимание того, что кризис рационализма привел к выдвижению вариативности как подхода ко всем проявлениям человеческой сущности. Постмодерн с его фрагментарностью сознания и есть реализация кризиса рационализма. Именно поэтому в качестве спасительной соломинки в процессе обретения своего

«я» в обществах и государствах, народах и культурах обратились к своим архетипам.

Обращение каждым народом к своему архетипическому – это один из путей развития, другой – форматирование новых стандартов понимания всех основных областей человеческого существа и деятельности, которое будет принято в мире и обусловит рельсы переформатирования мирового порядка, что сродни новому сотворению мира на общечеловеческом уровне. Это кажется неподъемной задачей, но темпы исторического времени в период кризисов значительно ускоряются, при этом высвобождая энергию для совершения чего-то поистине значительного и востребованного ситуацией. Без выработки таких ориентиров хаос по глубине и масштабности может пре-

взойти меру допустимости, а система ценностей перестанет функционировать. Именно поэтому эпоха кризисов помимо экономического дна, социального и политического беспредела обратной стороной имеет возможность взрыва духовно-интеллектуального напряжения. В этом смысле накал страстей может проявиться в рождении истин, способных выступить в роли если не императивов, то хотя бы ориентиров существования человека. Философия нового века не подспела вовремя, поскольку не приходило осознание масштабности, кардинальности и глобальности перемен, которые требуют новой постановки не проблемы, а самого категориального аппарата, способного обозначить новые горизонты человека и мира в той реальности, которая нас окружает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? //Сборник переводов АН СССР. – М.: Наука, 1991.
2. Манхейм К. *Диагноз нашего времени* //Избранное: Диагноз нашего времени. – М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010.
3. Декарт Р. *Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках* / Пер. с лат. – М., 2011.
4. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. – М.: Добросвет, 2000.
5. Ортега-и-Гассет Х. *Тема нашего времени* //Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991.
6. Дильтей В. *Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах* //Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995.
7. Ясперс К. *Духовная ситуация времени* //Мир философии. Ч. П. – М.: Политиздат, 1991.
8. Гегель Г.Ф. В. *Лекция от 18 сентября 1806 г.* //Dokumente zu Hegels Entwicklung (red. J. Hoffmeister). – Stuttgart, 1936.
9. Зиммель Г. *Конфликт современной культуры* //Избранное. Т.1. – М.: Юрист, 1996.
10. Шелер М. *Человек в эпоху уравнивания* //Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994.
11. Baudrillard J. *Power Inferno*. – Le Monde Diplomatique, 2002.
12. Бердяев Н. А. *Смысл истории*. – М.: Мысль, 1990.
13. Дильтей В. *Наброски к критике исторического разума* //Вопросы философии. – 1988. – №4.
14. Фукуяма Ф. *Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия*. – М., 2019.
15. Хантингтон С. *Кто мы?: Вызовы американской идентичности*. – М.: Транзиткнига, 2004.
16. Малахов В. *Символическое производство этничности и конфликт* //Идентичность: поиск, производство и воспроизводство. – Бишкек, 2005.
17. Тойнби А. Дж. *Постижение истории*. – М.: Прогресс, 1991.
18. Бодрийяр Ж. *Америка*. – Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2000.
19. Франкл В. *Воля к смыслу*. – М.: Эксмо-Пресс, 2002.
20. Гегель Г.В. *Феноменология духа*. – СПб, 1992.
21. Гуссерль Э. *Кризис европейского человечества и философия* //Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995.
22. Ницше Ф. *Автобиография* //Ницше Ф. Избранные произведения. Кн.2. – М., 1990.
23. Фромм Э. *Иметь или быть*. – М.: АСТ, 2007.
24. Маркузе Г. *Одномерный человек*. – М.: REFL-book, 1994.
25. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. – М.: АСТ, 2010.
26. Ясперс К. *Духовная ситуация времени* //Мир философии. Ч. П. – М., 1991
27. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. – М.: Политиздат, 1991.
28. Аттали Жак *Краткая история будущего*. Издательский дом: Питер, 2014 https://royallib.com/book/attali_gak/kratkaya_istoriya_budushchego.html

REFERENCES

1. Ortega-y-Gasset J. *What is Philosophy?* = Что такое философия? In Russian.
2. Mannheim K. *Diagnose Unserer Zeit*. = Диагноз нашего времени. In Russian.

3. Descartes R. *A Discourse on Method*. = Рассуждение о методе. In Russian.
4. Baudrillard J. *Symbolic Exchange and Death*. = Символический обмен и смерть. In Russian.
5. Ortega-y-Gasset J. *The Modern Theme*. = Тема нашего времени. In Russian.
6. Dilthey W. *Types of Worldview and their Detection in Metaphysical Systems*. = Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах. In Russian.
7. Jaspers K. *Spiritual Situation of Time*. = Духовная ситуация времени. In Russian.
8. Hegel G. W. *Dokumente zu Hegels Entwicklung* (red. J. Hoffmeister). = Лекция от 18 сентября 1806 г.
9. Simmel G. *Der Konflikt der Modernen Kultur*. = Конфликт современной культуры. In Russian.
10. Scheler M. *Man in the era of equalization*. = Человек в эпоху уравнивания. In Russian.
11. Baudrillard J. *Power Inferno*. – Le Monde Diplomatique, 2002.
12. Berdyaev, Nikolai A., *The Meaning of History*. = Смысл истории. In Russian.
13. Dilthey W. *Sketches for a Critique of Historical Mind*. = Наброски к критике исторического разума. In Russian.
14. Fukuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. = Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. In Russian.
15. Hantigton S. *Who are We? The Challenges to America's National Identity*. = Кто мы?: Вызовы американской идентичности. In Russian.
16. Malahov V. *Symbolic production of ethnicity and conflict*. = Символическое производство этничности и конфликт. In Russian.
17. Toynbee A. *A Study of History*. = Постигание истории. In Russian.
18. Baudrillard J. *America*. = Америка. In Russian.
19. Frankl W. *Will to Meaning*. = Воля к смыслу. In Russian.
20. Hegel G. W. *Phenomenology of the Spirit*. = Феноменология духа. In Russian.
21. Husserl E. *Die Krisis des Europäischen Menschentums und die Philosophie*. = Кризис европейского человечества и философия. In Russian.
22. Nietzsche F. *Ecco Homo*. = Автобиография. In Russian.
23. Fromm E. *To Have or To Be*. = Иметь или быть. In Russian.
24. Marcuse H. *One-Dimensional Man*. = Одномерный человек. In Russian.
25. Fukuyama F. *The End of History and The Last Man*. = Конец истории и последний человек. In Russian.
26. Jaspers K. *Spiritual Situation of Time*. = Духовная ситуация времени. In Russian.
27. Jaspers K. *The Meaning and Purpose of History*. = Смысл и назначение истории. In Russian.
28. Attali J. *A Brief History of the Future*. = Краткая история будущего. In Russian.

Информация об авторах

Урманбетова Жылдыз Карыбаевна – доктор философских наук, профессор отделения философии гуманитарного факультета, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Кыргызстан, 720 038, г. Бишкек, кампус им. Ч. Айтматова (Джал), e-mail: cildiz.urmanbetova@manas.edu.kg). ORCID: 0000-0002-4194-6682

Назаркулова Асель Кубатовна – аспирант, магистр философии, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева (Кыргызстан, 720 026, г. Бишкек, ул. И. Раззакова, 51А, e-mail: ak.nazarkulova@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 31.05.2023

После доработки 13.11.2023

Принята к публикации 17.11.2023

Information about the authors

Zhyldyz K. Urmanbetova – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Philosophy at Humanitarian Faculty, Kyrgyz-Turkish «Manas» University (Campus named after Ch. Aitmatov (Jal), Bishkek, 720 038, Kyrgyzstan, e-mail: cildiz.urmanbetova@manas.edu.kg). ORCID: 0000-0002-4194-6682

Asel K. Nazarkulova – Graduate student, Master of Philosophy, Kyrgyz State University named after I. Arabaeva (51A str. I. Razzakova, Bishkek, 720 026, Kyrgyzstan, e-mail: ak.nazarkulova@mail.ru).

The paper was submitted 31.05.2023

Received after reworking 13.11.2023

Accepted for publication 17.11.2023